

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ *

А. Лозовский

Февральская революция потрясла империалистические круги Антанты. Правящие классы Англии, которые с величайшей тревогой следили за развалом прогнившего насквозь царского режима, испугались размаха революционных событий. Англия открыто покровительствовала думской умеренной оппозиции, подбивая её на выступление против прогерманского придворного окружения. Государственные деятели Англии и их посол в Петрограде Бьюкенен мечтали о замене путём парламентских комбинаций Штюмеров и Протопоповых Гучковыми и Милоковыми. А тут разразилась настоящая революция, в которой приняли участие десятки миллионов рабочих, крестьян и солдат. Февральская революция сразу же вышла из благонамеренных берегов законности и посеяла тревогу в сердцах английских консерваторов, либералов и правых лейбористов. Во весь рост встал вопрос, кто кого одолеет: война революцию или революция войну? Февральская революция носила глубоко антивоенный характер, и продолжение войны означало гибель революции. А так как английской буржуазии и тем, кто шествовал в её хвосте, нужна была прежде всего война, то интересы революции сразу же столкнулись с империалистическими интересами Англии.

Английское правительство, по словам Сноудена, понимало, что «революция является концом активного участия России в войне в интересах Великобритании»¹. Тем не менее оно не могло отказаться от попыток использовать революцию в своих империалистических целях и путём морально-политического давления заставить Россию принять более энергичное участие в войне. Именно с этой целью по инициативе Бонар-Лоу Палата общин приняла в начале марта 1917 г. следующую резолюцию: «Палата общин шлёт Думе братский привет и посылает русскому народу свои сердечные поздравления в связи с установлением свободных институтов, в полной уверенности, что они поведут не только к скорому и счастливому прогрессу русской нации, но и к продолжению с новой силой и твёрдостью войны против цитадели автократического милитаризма, угрожающего свободе Европы»².

С первых дней революции английский посол в Петрограде Бьюкенен начал посылать своему правительству тревожные телеграммы об антивоенных настроениях в армии и в тылу и особенно в Петроградском совете рабочих депутатов. Бьюкенен представлял себе дело очень просто, по-колонiallyному. Так как он был связан с кадетами и октябристами, он полагал, что через Милокова и Гучкова ему удастся направлять политику России в интересах Великобритании. Но не прошло и двух недель, как он убедился, что русская революция непохожа на придворно-колони-

* Из работы «Лейбористская партия Англии и Советский Союз».

¹ «An autobiography by Philip Snowden». Vol. I, p. 447. Publ. Ivor. Nicholson. Watson. Ltd. London. 1934.

² Там же.

альные перевороты и на южноамериканские прунунциаменто и что тут нужно принимать какие-то другие меры воздействия, применять какие-то иные методы, чем имевшиеся до сих пор в колониальном арсенале Великобритании.

В своих мемуарах Ллойд Джордж пишет: «15 марта 1917 года наш посол в Петрограде сообщил нам в телеграмме о напряжённом положении в столице: «Уже в ближайшее время вспыхнет открытая борьба между партиями социальной революции и партиями Государственной думы. Последние стоят за войну, и если они быстро победят, Россия станет ещё сильнее, чем раньше. Первые (партии социальной революции) стоят за мир любой ценой; приход этих партий к власти означал бы для нас военную катастрофу. Нельзя ли побудить английских лейбористских лидеров послать телеграмму лейбористским лидерам Думы (Керенскому и Чхеидзе) и выразить в ней уверенность, что Керенский, Чхеидзе и их товарищи поддержат борьбу свободных народов против германского деспотизма? Надо объяснить им, что каждый день простоя на фабриках несёт с собой несчастья их братьям в окопах и что победа Германии будет означать катастрофу для всех классов в союзных странах. В телеграмме следовало бы также отметить, что все классы в Англии выступают единым фронтом, особенно надо подчеркнуть позицию трудящихся классов. Поскольку исторический опыт Англии в настоящее время привлекает здесь всеобщее внимание, я придаю большое значение отправке телеграммы такого содержания»³. Эта просьба английского посла была передана Ллойд Джорджем руководителям тред-юнионов и лейбористской партии, и она была ими немедленно выполнена. Через несколько дней лидеры тред-юнионов и лейбористской партии направили в Петроград левым лидерам Думы следующую телеграмму: «Организованные рабочие Великобритании следят с величайшим сочувствием за борьбой русского народа с силами реакции, которые пытаются затормозить его движение к победе. Рабочие Англии и Франции давно уже поняли, что свободное и мирное развитие европейских наций станет возможным только тогда, когда будет сокрушён германский деспотизм. Это убеждение вдохновило их на беспримерные усилия и жертвы. Мы надеемся на содействие русских рабочих в борьбе за достижение той цели, которой мы посвятили все свои силы. Глубоко верим, что вы сумеете внушить вашим последователям, что даже временное ослабление усилий несёт с собой гибель нашим товарищам в окопах и нашим общим надеждам на социальное возрождение»⁴.

Таким образом, социальный заказ английской буржуазии был выполнен: лидеры рабочей партии и тред-юнионов попытались увлечь «русских рабочих» на путь борьбы за интересы англо-французского капитала.

В связи с этой телеграммой Сноуден иронически пишет: «Таково было послание, которое эти рабочие лидеры направили русскому рабочему классу в то время, когда он вёл борьбу не на жизнь, а на смерть, за освобождение России от военного деспотизма царя и русской бюрократии»⁵.

Французское правительство опередило английское и решило отправить в Россию «социалистическую» миссию, которая должна была, по словам Ллойд Джорджа, «побудить русских социалистов сделать всё возможное для благополучного окончания войны». Тогда и «военный кабинет Англии постановил, что г-н Гендерсон должен использовать своё влияние, чтобы одновременно с французской в Россию выехала и надлежащим образом составленная британская рабочая делегация»⁶. Гендер-

³ Ллойд Джордж «Военные мемуары». Т. IV, стр. 111—112.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ Snowden. Op. cit. Vol. I, p. 448.

⁶ Ллойд Джордж. Т. IV, стр. 112.

сон поспешил выполнить это указание военного кабинета: от профсоюзов выехал О'Греди, от лейбористской партии — Вилл Торн. Выехали они «в сопровождении лейтенанта Сандерса». Вилл Торн считался социал-демократом, О'Греди был типичным тред-юнионистом, а Сандерс, представленный к ним в качестве сопровождающего, официально числился фабианцем.

Какова была задача этой смешанной англо-французской «братской» миссии? Направить во что бы то ни стало русскую революцию — через соглашателей — в антантовское русло. В этом отношении между правительствами Англии и Франции и социалистическими партиями этих стран господствовало полнейшее единодушие.

Даже Сноуден, напечатавший свои мемуары в 1934 г., не может удержаться, чтобы не подчеркнуть чисто военный характер этой «социалистической» миссии. Он пишет: «Преследуя ту же политику нажима на новое революционное правительство не для укрепления новой России, а для решительного продолжения войны, правительство одело господ Вилл Торна и Джемса О'Греди в хаки, присвоило им соответственно звания полковника и капитана и послало их с миссией в Петроград, как выразился Бонар Лоу, «с единственной целью поддержать, насколько они могут, настоящее русское правительство в продолжение войны. Британское правительство удовлетворено тем, что они (делегаты) послужат этой цели»⁷.

О чисто военных задачах английских делегатов мы находим указания в дневниках и книгах, находившихся тогда в Петрограде французских и английских агентов. Так, Клод Анэ в книге «Сквозь русскую революцию» пишет 10 марта по поводу приезда в Петроград английских и французских делегатов вместе с Плехановым: «Они приехали попытаться заставить своих русских товарищей понять ту ясную истину, что нет более насущной необходимости, чем доведение войны до самого конца и поражение Германии. Плеханов использует всё своё влияние в этом же направлении»⁸. Английский разведчик Локкарт пишет, что делегаты ехали в Петроград для того, чтобы «убедить русских товарищей продолжать войну»⁹. По мнению Локкарта, «О'Греди, Вилл Торн и Сандерс, как самые стойкие из британских рабочих, прибыли в Санкт-Петербург, чтобы проповедовать мудрость и патриотизм Советам»¹⁰.

Надо отдать справедливость английской «рабочей» делегации: она старалась изо всех сил выполнить задание английской буржуазии, и если ей ничего не удалось сделать, то это вина не её, а русской революции.

5 апреля Временное правительство (Львов, Шингарёв, Милюков, Некрасов, Керенский и др.) принимало в Маринском дворце представителей английской лейбористской и французской социалистической партий. Первым с приветствием обратился к Временному правительству «сопровождающий» Вильям Сандерс. Он заявил следующее: «Мы приехали приветствовать Вас от имени английских рабочих и всего демократического населения Англии. Мы, англичане, знали Чайковского и Кропоткина. Они были нашими друзьями, и через них (!) мы знаем демократическую Россию. Поэтому мы так рады были узнать, что дело, ради которого безуспешно так долго боролись лучшие люди России, наконец, осуществилось. Мы рады, что английская демократия может соединиться с демократией России, что победа демократии и республики в России уничтожит в будущем всякую возможность войны».

⁷ Snowden. Op. cit. Vol. I, p. 448.

⁸ Claude Anet. Through the Russian Revolution. London. 1917, p. 132 — 133.

⁹ R. H. Bruce Lockhart. British Agent. New-York — London. 1933, p. 180.

¹⁰ Там же.

Далее Сандерс заявил, что «война ведётся ради идей демократии и свободы», что «настоящая война должна кончиться поражением тех сил, которые уже низвергнуты в России», что «английские рабочие проливают свою кровь и отдают свой труд не ради завоевания и порабощения, а за идеалы демократизма» и т. д.¹¹ Ответную речь держал Миллюков. Затем от имени «русской демократии и русских социалистов» делегацию приветствовал Керенский.

Так началось «братание» между социал-империалистами Англии и России во имя продолжения империалистической войны, во имя интересов лондонских и парижских банков.

После этого делегация начала посылать письма рабочим организациям и посещать рабочие собрания, призывая к продолжению войны до конца. Так, в приветствии Всероссийской железнодорожной конференции Вилл Торн, О'Греди и Сандерс писали: «Мы, представители британских социалистических и рабочих организаций, посланы в Россию поздравить русский трудовой народ с его блестящей успешной революцией и пожелать ему полной удачи в деле возведения прочного демократического строя на заложенном фундаменте. Мы также уполномочены передать, что британский трудовой народ твёрдо решил в союзе с русским народом продолжать настоящую борьбу с германским милитаризмом, пока не исчезнет эта угроза свободным демократиям всего мира»¹².

Как сообщает «Речь», О'Греди, поздравляя русских рабочих с мирной, сопряжённой с таким малым количеством жертв революцией, заявил: «Рабочий класс всего мира, дети и потомки его в течение многих поколений будут молиться богу (!) и благодарить нынешнее русское поколение за то великое дело освобождения, которое оно сотворило как для себя, так и для всего мира. Да здравствует русская революция и её завоевания!»¹³.

На специальной пресс-конференции 11 апреля 1917 г. Сандерс от имени английской делегации заявил, что делегация была послана в Россию, «чтобы поздравить русский народ не только от имени рабочих, но и от всех других классов Англии с успехом революции»¹⁴.

Как будто все классы в Англии были рады русской революции!

Далее Сандерс сказал, что миссия была обеспокоена тем, что она увидела в России, но «после того, как мы обсудили совместно с членами Совета существующее положение, мы получили уверенность, что хотя они, естественно, и стремятся к скорейшему миру, но находятся в полном единодушии, что не должно быть сепаратного мира»¹⁵. Изложив социал-патриотическую концепцию лидеров английского рабочего движения, Сандерс заявил, что «братство по оружию старой демократии с новой оказывает огромную услугу делу укрепления дружбы между английским и русским народами, а также в будущем, после того, как война будет окончена, это братство облегчит утверждение постоянного мира во всём мире»¹⁶.

По словам корреспондента «Речи», английские делегаты заявили: «Англичане меньше всего думают об аннексиях и контрибуциях». Таким образом, представители английских рабочих дали моральную гарантию, что английская буржуазия не преследует никаких империалистических целей. Бонар Лоу и Ллойд Джордж были достаточно хитры и гибки, чтобы использовать социалистический козырь в своей империалистической игре. Но этим ловким политикам было невдомёк, что революцию нельзя перехитрить. Меньшевики и социалисты-революционеры очень хо-

¹¹ «Вестник Временного правительства» № 24 (70) за 1917 год, 6 (19) апреля.

¹² «Единство» от 14 апреля 1917 года.

¹³ «Речь» от 5 апреля 1917 года.

¹⁴ Там же от 12 (25) апреля 1917 года.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

тели, чтобы английская делегация оказала морально-политическое воздействие на массы. Но, с другой стороны, они боялись слишком откровенных социал-империалистических делегатов и их покровителя Плеханова. Поэтому меньшевики и социалисты-революционеры устраивали пышные приёмы английской и французской делегациям и одновременно с этим конфиденциально предупреждали их, чтобы они поосторожнее говорили о продолжении войны. Именно поэтому речи английских делегатов содержат больше сентиментальных восклицаний и приветствий, чем конкретных призывов. Жгучий вопрос о продолжении войны делегаты обычно маскировали необходимостью во что бы то ни стало защитить молодую советскую и старую английскую демократии и необходимость во имя свободы уничтожить прежде всего германский милитаризм.

Ведущая газета английской буржуазии «Таймс» в номере от 18 апреля очень подробно описывает посещение английской и французской делегациями в сопровождении Плеханова Петроградского совета рабочих депутатов, «где они были приняты с огромным энтузиазмом». Чхеидзе произнёс приветствие «лучшим борцам Англии и Франции». О'Греди, этот старый антисоциалист, зачисленный в «лучшие борцы», выразил уверенность, что «русская революция получит отклик во всём мире» (про Англию он умолчал), и призывал «бок о бок бороться за уничтожение угнетателя всего мира, Вильгельма Гогенцоллерна». После многочисленных речей «британские, французские и русские делегаты, — как сообщает «Таймс», — взялись за руки и вместе пели «Интернационал», который сопровождался длительной овацией».

Таким образом, социал-шовинисты всех оттенков (О'Греди, Торн, Плеханов, меньшевики и социалисты-революционеры) пропели боевой гимн рабочего класса во имя продолжения империалистической войны. Неудивительно, что «Таймс» с удивлением сообщал об этом «достижении».

В то же время корреспондент «Ньюс кроникл» телеграфировал в свою газету: «Изумительно было видеть мистера Торна с большой меховой шубой через руку стоящим в центре толпы русских социалистов на официальной трибуне Думы»¹⁷. Характерные особенности этой делегации — национальная ограниченность, самоуверенность и крайнее самодовольство — проявились с первых дней её приезда в Россию. На вопрос корреспондента «Таймс», что их больше всего поразило в России, делегаты ответили: «Мы считаем, что элементы, останавливающие немедленный мир, хотя и активны, но не имеют за собой массы рабочих и солдат... Мы видели солдат в казармах и восхищались решимостью не только офицеров, но и солдат продолжать борьбу до обеспечения полной победы»¹⁸. Из этого заявления явствует, что делегация видела не то, что есть, а то, что ей хотелось видеть. Она не видела процесса освобождения масс от добросовестного оборончества и быстрый переход рабочих и солдат в лагерь противников войны. Далее делегаты самодовольно сообщили корреспонденту, что их отношения с рабочими и солдатскими делегатами носили «самый дружеский характер», что они были «поражены необычным энтузиазмом, с которым их встречали солдаты». Более того: в Волынском полку их «носили на руках». Тут Вилл Торн добавил, что его понесли «как пёрышко», несмотря на то, что он весит более 100 кило. Вот что

¹⁷ Эта шуба приобрела известность и вот почему. Вилл Торн в своих воспоминаниях рассказывает, что накануне отъезда в Россию он встретил генерального прокурора, яркого консерватора Смита (в Советском Союзе этот Смит был известен под именем лорда Биркенхеда), который снял со своих плеч шубу и передал её Торну для поездки в Россию. Принятие шубы с барского плеча характеризует Вилла Торна, ибо он об этом пишет как об обычном явлении. Между тем в рабочих массах Англии эта моральная тупость рабочего лидера вызвала недовольство, насмешки и ядовитые замечания в рабочей печати того времени. Филипп Сноуден тогда опубликовал даже статью о «шубной делегации». Под этим названием делегация О'Греди — Торна и вошла в историю английской лейбористской партии.

¹⁸ «Times», April 24th 1917.

видела делегация в революционном, кипевшем ненавистью к войне Петрограде.

Если делегаты вынуждены были вести себя осторожно среди рабочих и солдат, то в гостях у посла, в свободном кругу посольских друзей, в англо-русском обществе, где присутствовали английские дипломаты и министры Временного правительства, они говорили во весь голос. Так, на заседании англо-русского общества, где английский посол Бьюкенен «уточнил британские цели войны», Вилл Торн горячо заявил: «Когда Великобритания что-нибудь начинает, она это доводит до конца». А Сандерс сказал в поучительном тоне: «Мы, социалисты, тред-юнионисты и рабочие, не стояли в стороне и не говорили своим министрам: вы — буржуазное правительство».

Нетрудно было, конечно, догадаться, в чей огород метил этот новый представитель английского пролетариата.

Милюков и Некрасов также произнесли соответствующие речи, причём особый энтузиазм и аплодисменты — это всё пишут английские корреспонденты — вызвали следующие слова Некрасова: «Мы должны честно выполнить все наши (!) обязательства перед союзниками»¹⁹. Поскольку делегация и приехала в Россию для того, чтобы навязать русскому народу выполнение обязательств, взятых на себя царизмом, то, естественно, какой энтузиазм вызвало заявление Некрасова у присутствовавших там английских дипломатов и правительственных лейбористов.

Делегация не ограничилась Петроградом: она отправилась в Москву в надежде добиться и здесь сочувствия делу Антанты. Ещё до отъезда делегация опубликовала в газетах следующее «Приветствие представителей английских рабочих»: «Мы приветствуем русский народ от британского социалистического движения и сердечно поздравляем его по поводу восторжествовавшей русской революции. Британская демократия в целом заодно с русской демократией, в её стремлении создать свободную Россию, основание которой уже положено революцией, в её решимости отстоять новорожденную Россию против угрожающего её границам военного деспотизма»²⁰.

Но Московский совет, хотя и имел в то время меньшевистско-эсеровское большинство, встретил делегацию без особого энтузиазма, так как он вынужден был считаться с сильными большевистскими, антивоенными настроениями московского пролетариата и московского гарнизона. На заседании Московского совета рабочих и солдатских депутатов, после предварительных разговоров с руководящими меньшевиками и социалистами-революционерами, О'Греди начал речь с заявления, что он будет говорить «от глубины души, с сознанием всей важности того, что он скажет». И далее сказал: «Мы с вами всей душой. Может быть, есть маленькие разногласия в словах». Из дальнейшей речи О'Греди выяснилось, что «эти маленькие разногласия» касаются понимания, что такое мир без аннексий и контрибуций. Изложив точку зрения англичан, О'Греди с деланной наивностью добавил: «Разногласия, по нашему мнению, не столь велики». Оратор отказывается от какого-либо воздействия на английское правительство, чтобы оно начало мирные переговоры, пока оккупирована Бельгия и другие страны. Закончил О'Греди свою речь на очень высоких нотах: «В Петрограде и здесь мы слышали: сепаратного мира не будет. Но если бы товарищи определённо сказали, что они будут воевать до того момента, пока не будет заключён международный мир, мир был бы скорее заключён. Разъединение союзников является величайшей опасностью... Не думайте только о себе, товарищи!

¹⁹ «Times» April 25th, 1917.

²⁰ «Известия Московского совета рабочих депутатов» от 12 апреля 1917 года.

Придите в семью всех свободных народов, чтобы общими усилиями создать свободную европейскую демократию»²¹.

Вся речь О'Греди была проникнута лицемерием и демагогией. Он корчил из себя учителя демократии, полагая, что русские люди всё проглотят. Ведь «маленькие разногласия» между английской буржуазией, представителями которой выступали О'Греди, Торн и Сандерс, и русской революцией затрагивали не более не менее, как вопрос о войне. Даже меньшевики и социалисты-революционеры, которые стояли на оборонческой платформе, даже они очень скептически отнеслись к демократизму и бескорыстию английской буржуазии, за интересы которой распинались посланцы Ллойд Джорджа.

В качестве одного из главных козырей и английские и французские делегаты всё время выдвигали вопрос о Бельгии. Так, О'Греди на заседании исполкома Московского совета рабочих депутатов высказал опасения о том, как бы, увлечённый своей революцией, русский пролетариат не забыл об обязательствах перед Бельгией.

Надо отметить, что среди меньшевиков и социалистов-революционеров не было единой линии в отношении этой делегации. Только группа Плеханова и правые социалисты-революционеры целиком и полностью поддерживали делегацию. Разброд усилился после того, как из Лондона на имя исполнительного комитета Петроградского совета была получена телеграмма от Независимой рабочей партии, в которой было сказано, что О'Греди и Вилл Торн представляют правительство, а не рабочее движение Англии. Социал-империалист Гайндман, исключённый из британской социалистической партии в 1916 г., поспешил телеграфно засвидетельствовать, что эта делегация якобы представляет рабочее движение Англии. В телеграмме Гайндмана на имя Керенского было сказано: «Как старый и близкий друг трёх поколений русских революционеров, я уверяю Вас, что подавляющее большинство наших трудящихся полны решимости выиграть эту войну против германской военной автократии и научного варварства. Они обращаются ко всем русским рабочим и товарищам с призывом отразить и победить германских захватчиков и сотрудничать с демократиями Европы, Америки, Австралии и Азии в создании длительного мира. Ура новой России!»²².

Эта телеграмма английского Алексинского только подтвердила то, о чём писала большевистская печать России и левая печать Англии: что делегация хотя и рабочая по своему составу, но империалистическая по своим политическим целям и задачам.

Резкий отпор английская делегация получила от центрального органа нашей партии газеты «Правда». В статье «Агенты империалистов в роли друзей русских солдат и рабочих» «Правда» от 14 апреля 1917 г. по поводу прибывших в Россию вместе с Плехановым английских «гостей» констатировала: «1) что прибывшие в Россию якобы представители английских рабочих отправились сюда с одобрения английского реакционного империалистического правительства; 2) что целью их является «ободрить солдат и рабочих к дальнейшему ведению войны»; 3) что правительством были этим господам предоставлены специальные удобства для проезда; 4) что английское правительство считает нежелательной посылку новой делегации, действительно выбранной рабочими и представляющей их подлинное мнение.

Дело яснее ясного. Исполнительные комитеты и советы рабочих и солдатских депутатов на деле приветствовали продавшихся своему империалистическому правительству изменников социализма, агентов английской буржуазии».

²¹ «Известия Московского совета рабочих депутатов» от 16 апреля 1917 года.

²² «Times», May 7th. 1917.

Статья была напечатана, когда во главе «Правды» уже стоял вернувшийся из ссылки товарищ Сталин. В ней с большевистской откровенностью вещи были названы своими именами, и господа социалисты, приехавшие в Петроград для того, чтобы подчинить русскую революцию английским и французским империалистам, сразу же почувствовали, что нельзя обмануть русских рабочих пышной социалистической фразеологией.

Во время приёма французских и английских социалистов в Москве Московский комитет РСДРП(б) огласил декларацию, в которой клеймил социалистов, «солидаризировавшихся с империалистической буржуазией и разорвавших международное объединение рабочих». Декларация заявляла, что «препятствием на пути расширения русской революции стоят рабочие партии, которые объединились с буржуазией и поддерживают её империалистическую политику». Декларация выразила решительный протест против претензий приехавших делегатов говорить от имени всего социалистического пролетариата своих стран. Заканчивалась декларация следующими словами: «В приехавшую сюда делегацию входят только представители правого крыла французской и английской рабочих партий. И мы находим невозможным вступить с ними в переговоры без участия наших единомышленников из Франции и Англии»²³.

На следующий день старый большевик Ольминский поместил в «Социал-демократе» резкую статью по поводу чествования «этих агентов буржуазного правительства Московским советом рабочих депутатов и социалистической партией». Ольминского возмущало то, что социалисты-революционеры пригласили О'Греди и других участвовать в проведении 1 Мая, тогда как «О'Греди и другие якобы английские социалисты — попросту послы английского правительства для обработки русских рабочих»²⁴.

Английские делегаты попытались рассеять недоверие и опровергнуть утверждение, что они не рабочие, а правительственные делегаты. О'Греди, Вилл Торн и Сандерс в разосланном в газеты письме заявляли, что они послы рабочего движения Англии, тогда как английские социалисты, которые присылают протестующие телеграммы, представляют незначительные организации. В одном из их писем мы читаем:

«Мы командированы в Россию от английской рабочей партии, парламентского комитета, тред-юнионов и фабианского общества. От всех этих организаций у нас имеются официальные письменные мандаты, и мы уполномочены поздравить русский народ с успехом революции и в то же время высказать ему взгляды подавляющего большинства вышеупомянутых партий, насчитывающих больше четырёх миллионов членов из рабочих; другими словами, фактически от всех трудящихся классов в Англии. Таким образом, мы являемся выразителями мнений, одобренных вышеназванными организациями и их съездами во время войны»²⁵. Этот протест не произвёл никакого впечатления.

Я уже писал о том, что даже меньшевистско-эсеровское большинство относилось настороженно к англо-французской делегации. Это нашло своё отражение в «Известиях Петроградского совета рабочих депутатов», в котором мы читаем 4 мая: «Из переговоров, которые вёл с ними Исполнительный Комитет, ясно было, что на словах они готовы принять нашу мирную платформу (мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов), но на деле симпатии их не клонились в эту сторону. Видно было, что они недостаточно оценивают влияние русской революционной демократии». Казалось бы, всё ясно. Но вдруг «Изве-

²³ «Социал-демократ» № 35 от 3 мая 1917 года.

²⁴ Там же. № 36 от 4 мая.

²⁵ Львов-Рогачевский. Сборник «Социалисты о текущем моменте», стр. 161. М. 1917.

ствия» делают крутой зигзаг и заканчивают статью заявлением о том, что удалось убедить французов и англичан в правильности позиций меньшевиков и социалистов-революционеров и, таким образом, «дело мира сильно подвинулось вперёд»²⁶.

Если меньшевики и социалисты-революционеры могли ещё замазать вопрос о том, что О'Греди и Торн — посланцы английского правительства, то они никак не могли скрыть, что эти делегаты представляют только правое крыло рабочего движения Англии. Об этом в печати и на собраниях всё время напоминали не только большевики, но и левые меньшевики и левые социалисты-революционеры. В связи с этим Исполком Петроградского совета рабочих депутатов принял специальную резолюцию, в которой сказано, что «Исполком узнал только из ответа Бонар Лоу на запрос Сноудена об обстоятельствах, сопровождавших отправление английской делегации в Россию», что он раньше «не был осведомлён о специальном отношении английского правительства к её миссии».

Какие же выводы делаются меньшевиками и социалистами-революционерами из этого факта? Исполком отказывается иметь дело с этими посланцами Бонар Лоу и Ллойд Джорджа? Ничего подобного. Решение меньшевистско-эсеровского исполкома гласит:

«Исполком считает необходимым, со своей стороны, обратиться ко всем социалистическим партиям и профессиональным союзам этих стран (т. е. Франции и Англии) с официальным приглашением принять участие через посредство нормально избранных и действительно представляющих всё движение делегаций (вот он, намёк!) в празднике русской свободы; считая долгом Временного правительства оказать всё необходимое содействие беспрепятственному прибытию этих делегаций; будет рассматривать как оскорбление русской демократии всякую попытку воспрепятствовать их приезду, откуда бы такие попытки не исходили»²⁷. Так меньшевики и социалисты-революционеры обошли щекотливый вопрос об этой правительственной делегации. Путём приглашения левых они прикрыли своё братание с агентурой английского империализма.

Бывший английский посол аристократ Джордж Бьюкенен в своей книге «Моя миссия в России» пишет об этой делегации, которую он бы в иных условиях не пустил к себе на порог, следующее:

«В субботу у меня был длинный разговор с О'Греди и Торном — нашими двумя рабочими делегатами. Они произвели на меня прекрасное впечатление, и я надеюсь, что они сумеют сделать много хорошего. Крайние социалисты, однако, не особенно поддаются влиянию иностранцев»²⁸.

Обращает на себя внимание последнее замечание Бьюкенена, что «крайние социалисты не особенно поддаются влиянию иностранцев». Таким образом, в голову даже такого твердолобого английского аристократа проникло сознание того, что в России не всё благополучно с точки зрения интересов Антанты.

Бьюкенен ещё ничего не пишет о большевиках. Он говорит пока что о крайних социалистах. В дальнейшем он будет метать громы и молнии против большевиков. Мы находим в дневнике Бьюкенена и другую запись:

«Мне было очень грустно расстаться со своими новыми друзьями (!) — Виллем Торном и Джемсом О'Греди. Это были великолепные представители британских рабочих, и я надеялся, что они произведут впечатление на рабочих депутатов в Совете и дадут им понять, что мы не воюем с Германией из-за империалистических целей. К сожалению,

²⁶ «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» № 57 от 4 мая 1917 года.

²⁷ Там же от 25 апреля 1917 года.

²⁸ Бьюкенен «Моя миссия в России». Т. II, стр. 84.

члены Петроградского совета не были настоящими рабочими (!), а только демагогами. О'Греди сказал Торну во время их первого посещения Совета: «Взгляни на их руки, ни один из них никогда в жизни честно не поработал ни одного рабочего дня». Они уехали из Петрограда очень разочарованные тем, что им пришлось видеть как на фронте, так и в тылу»²⁹.

Здесь что ни слово, то перл. Совершенно замечательно, как Бьюкенен расхваливает «великолепных представителей» британских рабочих, похлопывая их при этом по плечу. Исключительна по своей возмутительности выдумка бюрократа О'Греди, получившего за своё предательство впоследствии пост губернатора Тасмании, что в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов якобы не было ни одного рабочего.

Бьюкенен с унынием констатирует, что эти господа уехали из Петрограда «очень разочарованными тем, что им пришлось видеть как на фронте, так и в тылу». Так задуманная этим английским дипломатом и осуществлённая Ллойд Джорджем и руководством лейбористской партии попытка использовать представителей английских рабочих организаций для дезорганизации русской революции потерпела позорную неудачу, несмотря на поддержку этих социал-империалистов меньшевиками и эсерами.

В то время как английское правительство и лидеры лейбористской партии, встревоженные размахом революционных событий в России, принимали меры для того, чтобы приковать русскую революцию к империалистической колеснице, в широких массах английского пролетариата русская революция вызвала взрыв симпатии и энтузиазма. Британская социалистическая и Независимая рабочая партии и их органы «The Call» и «Лейбор лидер» развернули широкую кампанию солидарности с русской революцией, разоблачая одновременно истинный характер направленной в Петроград под лейбористским флагом правительственной делегации. Через неделю после начала революции Филипп Сноуден (он тогда был левым) писал в статье «Революция и военная партия» в официальном органе Независимой рабочей партии Англии «Лейбор лидер» следующее: «Если пример России научит народы всех стран Европы тому, что революция должна разрушить все формы классового правительства и поставить народ, как правителей, это будет величайшей услугой, когда-либо оказанной миру. Если её успех выразится в замене автократической тирании буржуазным империалистическим милитаризмом, то она будет бесполезной»³⁰.

В том же номере помещена статья Брюс Глейжера «Русская революция: надежды и опасения». В ней автор вспоминает революцию 1905 г., когда царь вслед за манифестом об учреждении Думы издал ряд указов, сведших на-нет его обещания и явившихся началом разгула черносотенцев, террора и столыпинской реакции. Ссылаясь на это, автор правильно предупреждает читателей: «Не спешите с выводами, что русская революция удовлетворится только ссылкой царя и передачей власти новой группе вдохновлённых войной политиков, многие из которых такие же закоренелые реакционеры, как прислужники старого порядка, которых они арестовали и сослали... Русская революция не закончилась, а только начинается...»³¹.

Эти статьи доказывают, что левое крыло лейбористской партии совершенно иначе представляло себе задачи и перспективы русской революции, чем официальные лидеры лейбористской партии и тред-юнионов.

По всей Англии прокатилась волна митингов, причём на этих митин-

²⁹ Бьюкенен «Моя миссия в России». Т. II, стр. 94.

³⁰ «The Labour Leader», March 22d, 1917.

³¹ Там же.

гах не только выражалась солидарность с русской революцией, но делались сравнения и выводы, далеко не лестные для «старейшей демократии» цивилизованного мира. В этом отношении большой политический интерес представляет митинг 31 марта в Альбертхолле, который прошёл под лозунгом «Мы хотим получить обратно наши свободы». Приведём несколько выдержек из выступлений на этом митинге.

Яркую речь произнёс вождь английских горнорабочих Роберт Смайли. Он начал с заявления, вызвавшего бурные аплодисменты: «Как необычайно отрадно получить в наше время возможность свободно говорить о революции в России. Русская революция предупредила одно из самых возмутительных преступлений: вернуть России тех, которые приехали к нам в качестве политических эмигрантов». Смайли имел здесь в виду соглашение между французским, английским и царским правительствами об отправке политических эмигрантов, находившихся во Франции и Англии, в принудительном порядке в армию.

Сообщив далее ряд фактов преследования рабочих в колониях за принадлежность к тред-юнионам, Смайли заявил: «Мы не можем считать себя свободными до тех пор, пока существует рабство где бы то ни было в британских владениях».

Депутат Палаты общин Андерсон сказал: «Русский народ, нанеся смертельный удар царизму, освободил не только себя, но и всё человечество на всем земном шаре». «...в то время как свобода всё ширится и разрастается в России, она убывает в Англии». «Я протестую против роста автократии, олигархии и насилия в нашей родной стране»³².

В том же тоне и на эту же тему говорили и другие ораторы. Так, Мод Рейден, сравнивая положение женщин в Англии и в России после революции, сказала: «Россия одним прыжком перенеслась от мечтаний к осуществлению их. А мы всё ещё советуемся друг с другом на собраниях и в Палате общин, действительно ли каждый человек—единица и может или не может он пользоваться двумя голосами, действительно ли женщины совершенно созревают в 30 или 35 лет, и верно ли, что женщина—человек и что и ей следует дать избирательное право, и действительно ли нужно убрать ту или иную из перегородок, разделяющих народ»³³.

Беллами начал с заявления: «Мы хотим получить обратно наши свободы» и далее продолжал: «Могу ли я предложить, чтобы этот митинг был не концом, а только началом движения, чтобы от этого митинга исходила не только нота приветствия России, но и нота рабочему классу нашей страны. Отныне мы постараемся расковать цепи, сковывающие нас»³⁴.

Писатель Зангвиль протестовал против того, что революцию приветствуют сейчас и те, кто ещё вчера поддерживал царскую Россию и её политику, и тоже поставил вопрос об утраченных английским народом свободах. Он сказал по этому поводу:

«И вот все эти писаки и фарисеи, поддерживавшие мрачную Россию кнута, от которых боровшийся за свободу русский народ не получил ни слова поддержки, ни звука одобрения, теперь имеют нахальство радоваться революции. Чему они, собственно, радуются? Конечно, Ллойд Джордж любит свободу. Ведь он приветствовал русскую революцию как поборницу свободы. Но подобно одному из королей прошлого, который всегда после плотного и сытного обеда находил, что его народ счастлив, Ллойд Джордж полагает, что так как он может делать абсолютно всё.

³² Цитировано по книге «Английские рабочие и русская революция». Перевод с английского под редакцией и с предисловием Харитонов. Книгоиздательство Белопольского. Птгр. 1917.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 25.

что ему заблагорассудится, то теперешняя Англия пользуется такой свободой, какой никогда не пользовалась прежде»³⁵.

Зангвиль был более чем прав, когда протестовал против лицемерных приветствий русской революции от лиц и учреждений, вчера ещё с большим пафосом и большой искренностью восхвалявших царизм, этот «русский каток», который должен был раздавить «гидру германского милитаризма».

Этот митинг очень характерен для настроения рабочих масс Англии в начале 1917 года. Тяготы войны начали сильно сказываться. Рабочий класс Англии нёс в экономическом, политическом и военном отношении наибольшие жертвы. Отсюда и различный подход широких масс и их лидеров к вопросу о войне. Конечно, эти левые ораторы не понимали движущих сил революции, многие из них принимали левые фразы меньшевиков и социалистов-революционеров за чистую монету, но всё же массы инстинктивно чувствовали, что русская революция — не только удар по войне, но нечто большее.

Приветствия русской революции посыпались со всех концов Англии. Все выражали «радость» и «восхищение», но каждая организация и каждая группа лиц по-своему понимала русскую революцию и по-своему определяла её задачи.

Так, группа лейбористов и левых либералов Палаты общин (Андерсон, Макдональд, Сноуден, Джоуетт, Тревелиян, Понсонби, Веджвуд и др.) заявляла в своём приветствии, что воззвание Временного правительства от 14 марта к народам всего мира «вполне совпадает с нашей точкой зрения на наши собственные цели войны, которые не только русская, но и английская демократия должна бы иметь в виду». Эти же депутаты «глубоко возмущены нападками на вождей революции и на Совет рабочих депутатов со стороны «Таймс» и некоторых других газет и выражают уверенность, что Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов сохраняют теоретические принципы революции и принесут исцеление и спасение Европе»³⁶.

Национальный совет Независимой рабочей партии и члены Независимой рабочей партии в парламенте в начале апреля приняли резолюцию, в которой после тёплых и сердечных поздравлений выражают твёрдую уверенность в том, что «революция в России и свержение деспотического царизма будет великой освободительной силой для всей Европы и всюду поможет делу народа, социализма и международной солидарности и ускорит установление мира, основанного не на господстве милитаристов и дипломатов, а демократии и справедливости»³⁷. Аналогичное приветствие по предложению Макдональда отправила в Петроград конференция НРП в Лидсе. Она шлёт «горячие поздравления», «выражает горячее одобрение программе революции» и уверенность, что «эти изменения будут предисловием к экономической и социальной свободе мира в ближайшие годы». Конференция далее выражает убеждение, что «такая революция не может не изменить лица всей Европы», затем идёт «дань уважения», «сердечный восторг» и т. д., но нет самого главного, нет даже упоминания, как же покончить с войной, нет попытки определить, каков характер этой революции, в чём её трудности, как ей помочь и т. д.³⁸.

Более определённой была резолюция шестой ежегодной конференции Британской социалистической партии, принятая по предложению Ферчайлда. В ней говорится:

«Русская революция показывает, по мнению конференции, пробуждение пролетариата, слишком долго бывшего зачарованным кроваво-

³⁵ Там же, стр. 19—20.

³⁶ «Вестник Временного правительства» № 34 от 18 апреля 1917 года.

³⁷ «Labour Leader», April, 5th, 1917.

³⁸ Ibidem, April 12th, 1917.

красным кошмаром войны, и предвещает возрождение Интернационала и его борьбы против бесконечной резни, порождённой империалистическим соперничеством господствующих клик в каждой стране... Она рассматривает русскую революцию не как призыв к дальнейшему продолжению войны, а как протест против её продолжения»³⁹.

Здесь уже звучат другие нотки. Конференция отдаёт себе отчёт в том, что русская революция возникла как протест против продолжения войны.

Надо далее отметить, что на ряде митингов раздавались необычные для английского рабочего движения речи. Так, на большом митинге в Глазго депутат Андерсон заявил:

«Если мы хотим приветствовать Россию, мы должны начать с революции в своей собственной стране. Это не было социальной революцией, но это основание социальной революции»⁴⁰.

Роберт Смайли требовал «уничтожения династий во всех странах так же, как в России». Он заявил:

«Правительство было неискренним, поздравляя Россию за то, что оно не хотело бы, чтобы она сделала. Мы хотим здесь иметь такую же революцию, как в России»⁴¹.

Ленсбери призывал слушателей перейти от восторгов к действию:

«Мы должны подражать России путём создания Комитета солдатских и рабочих делегатов, который будет ежедневно заседать в Лондоне и издавать свои инструкции, как это делает Комитет в Петрограде»⁴².

Такого рода выступления были необычны для Англии. Они вызывали бурные аплодисменты слушателей, но всё же и в них больше чувства, чем понимания происходивших в России событий. Не подлежит сомнению, что подавляющее большинство ораторов искренно радовалось русской революции, хотело бы извлечь из неё уроки для Англии; но вместо конкретной борьбы против империализма и социал-шовинизма они ограничивались резолюциями сочувствия русской революции, предоставляя буржуазии и социал-шовинистам продолжать свою империалистическую политику.

Но если в такого рода резолюциях и приветствиях нашли своё выражение действительные радость и сочувствие русской революции, то в выступлениях официальных и официозных представителей империализма и социал-шовинизма сквозило главным образом беспокойство, как бы революция не нанесла какой-либо ущерб планам Антанты.

Газеты кицели приветствиями, и все наперебой от Конан Дойля до епископа Бирмингемского и от лорда-мэра Лондона до сэра Марка Сайкса поздравляли и в выспренных выражениях уговаривали Россию продолжать войну. Так, сэр Марк Сайкс, известный в истории как соучастник тайного договора Сайкс-Пико, писал:

«Россия, древняя крепость христианства и цивилизации против монгольских орд, воспрянувшая духом, предназначена для ликвидации жестокости Берлина и коррупции Константинополя»⁴³.

Такая декламация печаталась во всех газетах в надежде повлиять на русскую революцию, но, как мы увидим дальше, не Англия повлиять на русскую революцию, а русская революция — на часть рабочих Англии.

Одновременно с этим на рабочих собраниях и в печати подвергалась суровой критике правительственная делегация, выступавшая в России от

³⁹ «The Call», April 12th, 1917.

⁴⁰ «The Herald», May 19th, 1917.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ «Daily Chronicle», April 5th, 1917.

имени английского рабочего класса. Так, орган Независимой рабочей партии «Лейбор лидер» 5 апреля печатает заметку Сноудена под названием «Бесчестная делегация». Сноуден пишет:

«Посылка двух—трёх рабочих, наемников лорда Мильнера и Ллойд-Джорджа, в Россию от имени британского социалистического рабочего движения является обидой, которая должна вызвать сильное возмущение. Нельзя позволить этим людям, которые посылаются в Россию, помогать империалистическим целям британского и союзных правительств, вводить в заблуждение русских революционеров, нельзя допустить у них мысль, что они приехали от имени британского социалистического рабочего движения. Эта миссия является простым жестом правительства. Позор, что находятся тред-юнионисты, которые предлагают свои услуги для таких бесчестных действий. Русские эмигранты и революционеры в Англии негодуют по поводу этой обиды, нанесённой русскому рабочему классу, и от встречи, которую окажут этой миссии в Петрограде, будет веять сибирским холодом»⁴⁴.

Ещё более резко отчитывает правительственную делегацию орган британской социалистической партии «Колл». В номере от 12 апреля помещена передовая статья, которая подчёркивает империалистический характер миссии Торна и О'Греди. Статья заканчивается следующим образом: «Довольно «нормально» в наши дни для социалистов представлять себя в распоряжение соответствующих правительств для целей военной пропаганды. Мы действительно очень низко пали. Интернационал на службе империализма и капитализма... О, тень Элеоноры Маркс-Эвелинг, у которой так часто сидел Вилл Торн, впитывая евангелие социализма»⁴⁵.

Особое внимание левые газеты обращают на то, что делегаты говорят в Петрограде и Москве совсем иначе, чем они говорили в Лондоне. «Лейбор лидер», например, отмечает, что делегаты из тактических соображений лицемерно согласились с лозунгом «Мир без аннексий и контрибуций», тогда как в Англии они всё время выступали против этого лозунга. Газета заявляет:

«Мы не знаем, является ли это изменение искренним обращением этих людей к здравому смыслу или эти заявления были сделаны просто потому, что они боялись выразить другие взгляды в той компании, в которой они оказались»⁴⁶.

В левых газетах того времени мы находим многочисленные резолюции протеста местных организаций, тред-юнионов, Британской социалистической партии, Независимой рабочей партии против того, что рабочие лидеры поехали в Россию по поручению правительства.

Какое впечатление произвела русская революция на рабочий класс Англии, видно, далее, из того, что 11 мая появилось воззвание «Следуйте примеру России» от имени Объединения Социалистического совета Независимой рабочей партии и Британской социалистической партии. В этом воззвании мы читаем: «Вновь освобождённая русская демократия всё больше теряет веру в Великобританию, которую она когда-то считала родиной свободы и прогресса. Более того, было выражено недовольство против реакционных сил Англии, которые отобрали и назначили лиц, якобы представляющих рабочее и социалистическое движение Великобритании».

Это воззвание настойчиво приглашает все рабочие организации на конференцию в начале июня в Лидсе для того, «чтобы определить и высказать мнение рабочего класса Англии в отношении событий, которые произошли и продолжают происходить в России». Воззвание,

⁴⁴ «The Labour Leader», April 5th, 1917.

⁴⁵ «The Call», April 12th, 1917.

⁴⁶ «The Labour Leader», May 3th, 1917.

составленное в сочувственных политике меньшевиков и эсеров выражениях, после ряда комплиментов по адресу русских демократов заявляет:

«Если русские не получают сочувствия на свой призыв о международном мире от народов союзных стран, они будут вынуждены заключить сепаратный мир с реакционным правительством кайзера».

Под этим воззванием имеются следующие подписи: Г. Александер, Ч. Г. Аммон, У. Андерсон, С. Деслард, И. С. Ферчайлд, Дж. Файнберг, Ф. Джоуэтт, Дж. Ленсбери, Роберт Вильямс, Д. Рамсей Макдональд, Том Квельч, Роберт Смайли, Филипп Сноуден, Альберт Инкпин и Френсис Дусопсон. Кроме трёх человек, ставших впоследствии коммунистами (Квельч, Инкпин, Файнберг), все были представителями того розового пацифизма, наиболее ярким выразителем которого был Макдональд. Несмотря на умеренный характер большинства подписавших воззвание «Следуйте примеру России», это был необычный акт в истории английского лейборизма. Ещё более необычной была созванная левыми организациями конференция в Лидсе в начале июня 1917 года. Но об этой конференции поговорим позже.

25 мая «шубная делегация» вернулась в Англию. Вступив на родную почву, О'Греди и Вилл Торн начали излагать события в России так, как это нужно было английскому правительству. Корреспондент «Таймс» пишет: «Оба рабочих представителя обращались к множеству собраний рабочих и солдат. Они провели несколько дней в Москве, посетили Минск, Двинск и другие места, совершив 600-мильную поездку по фронту... Касаясь вопроса о контрибуции, Торн сказал, что они постоянно настаивали, что не может быть никакого мира, пока прусская военная машина не будет разбита до основания. Они покинули Россию с твёрдым чувством, что в будущем всё будет хорошо. Братание германских и русских солдат внезапно прекратилось, и теперь в воздухе веяло предчувствие надвигающихся событий»⁴⁷.

«Лейбор лидер» в заметке «Шубная делегация» сообщает, что Джемс О'Греди заявил одному корреспонденту: «Нас восторженно приветствовали. Но любопытно было то, что с нами из Минска послали солдатских делегатов, и пока мы излагали позицию союзников (не английских рабочих, а союзников! — А. Л.), они произносили речи, опровергая, насколько они могли, наши заявления»⁴⁸. Действительно, любопытно то, что ни О'Греди, ни Торн так и не поняли, что происходит в России. По крайней мере, Торн тому же корреспонденту сказал, что «он и его друзья сделали обстановку менее мрачной». Это нескромное заявление было сделано, очевидно, для того, чтобы оправдать произведённые правительством расходы на поездку «рабочей» делегации.

Что касается «восторженных приветствий» и обстановки на фронте, то дело происходило далеко не так, как это изображали О'Греди и Торн. Сопровождавший англо-французскую делегацию на фронт меньшевик А. Фишгендлер описал в «Рабочей газете» встречу англичан и французских солдатских и офицерами. Он так резюмировал настроение иностранных гостей: «Надежды на движение в Германии тщетны. Ответственность за войну несёт исключительно Германия. Только полным разгромом её военных сил можно добиться прочного мира». Фишгендлер старался объяснить гостям позиции оборонческого большинства Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, но «наши попытки уяснить им фактическое положение вещей были встречены не без раздражения». И вдруг автор сообщает, что при первой же встрече, где присутствовало более

⁴⁷ «Times», May 26th, 1917.

⁴⁸ «The Labour Leader», May 31th, 1917.

тысячи солдат и офицеров, «французы и англичане начинают говорить по-русски». Судя по всему, солдаты, приняв речи иностранцев за чистую монету, «встретили их очень радушно». Сам автор статьи не особенно доволен гостями, так как пишет, что «нельзя сказать, что их речи отличались достаточной ясностью». Но если не было ясности, то что же означает фраза, что «они заговорили по-русски»? Очевидно, не что иное, как то, что гости изрекали двусмысленные и тёмные, меньшевистские фразы о мире вообще, о демократии и т. д. Меншевик вынужден признать, что солдаты на этих беседах проявляли большой интерес к тому, «кто такой Ленин и что он пропагандирует». Наконец, автор констатирует, что «солдатам было ясно», что «наши товарищи (французы и англичане. — А. Л.) не вполне разделяют взгляды революционной демократии России»⁴⁹.

Из этого приглашенного отчёта видно, что часть солдат раскусила этих агентов англо-французского капитала. Пытаясь объяснить, почему солдаты отнеслись с недоверием к англо-французским гостям, автор пишет, что «солдатская Русь идёт нога в ногу со всей рабочей Русью в этом отношении». Это верно, по вопросу о войне солдаты шли с рабочими, но ведь даже добросовестные оборонцы из рабочих не шли до конца с меньшевиками и социалистами-революционерами, а всё больше и больше склонялись к позиции большевиков.

Фишгендлер заканчивает статью замечанием, что «эта поездка была очень поучительной для наших дорогих гостей»⁵⁰. Как мы видели и как мы ещё увидим из выступлений и поведения О'Греди, Торна и других, они ничего не поняли и ничему не научились.

Отдохнув немного и собрав свои скудные мысли, О'Греди дал большое интервью газете «Таймс», в котором он заявил: «В чём Россия больше всего нуждается, — это в доверии народов союзных стран, в их сильной и любовной поддержке в тех испытаниях, через которые она сейчас проходит»⁵¹. Значит, России надо и возможно скорее помочь. Но как? О'Греди знает одно средство помощи — заставить Россию воевать. О'Греди отдал особую дань той работе, которую проводит Керенский, «самый сильный человек в стране». Далее этот профбюрократ излагает борьбу революционных масс за мир, за хлеб и волю следующим образом: «Революционеры, однако, не уничтожены. Они всё ещё ждут удобного случая для контр-революционного (!) выступления. Но одно совершенно определено: если подобное выступление будет принято, его шансы на успех равны почти нулю»⁵².

Как истый социал-империалист, О'Греди не преминул сказать, что в России «агенты врага повсюду» и «германские деньги тратятся более чем щедро». Одновременно с этим он выразил удивление, что «наше правительство как будто безнаказанно позволяет германской пропаганде творить своё разрушительное дело».

Вилл Торн также начал снабжать газеты своими впечатлениями и соображениями. Корреспондент «Дейли кроникл» сообщает, что Вилл Торн, выступая в Бирмингеме, заявил:

«Когда О'Греди и он рассказали русским солдатам и морякам, что делает Англия, они были поражены. От них прятали правду, и они думали, что мы делаем очень мало. Керенский, новый премьер-министр, является спасителем всего положения. Ни один человек в России или где-либо не мог бы сделать то, что сделал он»⁵³.

Заботы Вилла Торна и О'Греди не ограничились только тем, что они призывали русскую революцию воевать до победного конца. О'Греди

⁴⁹ «Рабочая газета» от 5 и 6 мая 1917 года.

⁵⁰ Там же, от 6 мая.

⁵¹ «Times», May, 29th, 1917.

⁵² Там же.

⁵³ «Daily Chronicle», July, 23d, 1917.

задумал организовать русских рабочих по образу и подобию английских тред-юнионов. Перед отъездом из России О'Греди послал секретарю генеральной федерации тред-юнионов Эпплтону письмо следующего содержания: «Трудящиеся ещё не организованы в профсоюзы, но думают так сделать. Петроград кишит прогерманскими агентами и сторонниками. Я боюсь, что эти твари сделают всё возможное, чтобы уговорить «рабочих» организовать по германским образцам. Если это случится, немцы захватят русские профсоюзы (!), как они захватили скандинавское движение. Я уже высказал нескольким ведущим лицам здесь, что если они захотят помощи и совета в организации своих профсоюзов, наша генеральная федерация готова дать совет, опыт и помощь. Я надеюсь, что административный комитет сочтёт возможным оставить меня здесь на два месяца и пошлёт вас на помощь. Я уверен, что мы могли бы привлечь русских рабочих к нашему методу организации и получить их вечную благодарность за то, что мы им так советовали. Я предлагаю эту мысль на рассмотрение административного совета для оценки по достоинству»⁵⁴.

В ответ на предложение О'Греди Эпплтон прислал в Петроград следующую характерную телеграмму: «Письмо получено, спасибо. Совещаемся с Францией о совместных действиях. Комитет примет решение в среду. Пока расскажите нашим русским друзьям, что наши парни умирают во Франции, пока их товарищи разговаривают в Петрограде; что выживают только расы, способные к самодисциплине; что крайности встречаются; и что реакционеры и экстремисты, преследуя цели своего эгоистичного честолюбия, вместе восстановят Романовых и приведут демократию к катастрофе»⁵⁵.

Эти «инструктивные» поучения реакционного профбюрократа Эпплтона очень характерны. Английские лейбористские и тред-юнионистские бюрократы считали себя призванными поучать русскую революцию и её могучего двигателя — рабочий класс.

Из глупой затеи О'Греди — Эпплтона ничего, конечно, не вышло. Остались также без всяких последствий аналогичные маневры парламентского комитета конгресса тред-юнионов, который в начале июня 1917 года направил телеграмму председателю Петроградского совета рабочих депутатов с приветствием рабочим России и «заверением в своей готовности сотрудничать с ними в направлении усиления могущества демократии и профессионального движения в целях политического и экономического освобождения народа». Через неделю парламентский комитет вновь послал телеграмму, в которой он выражал готовность «помочь товарищам в России всеми возможными средствами организовать в профессиональные союзы». Парламентский комитет охотно прислал бы двух своих членов в Россию для сотрудничества». Этими представителями были бы: Джон Гилль, председатель Парламентского комитета и главный секретарь Союза котельщиков, и Стюарт Баннинг, главный секретарь почтовых служащих»⁵⁶.

Предложение это повисло в воздухе за ненадобностью.

Русские рабочие сумели создать свои профсоюзы без английских инструкторов. С первых дней революции русские рабочие создали не только профсоюзы, но и фабрично-заводские комитеты, которые только в последние годы начинают пробивать себе дорогу в рабочем движении Англии.

Во всех этих выступлениях и предложениях обращает на себя внимание самодовольное невежество не только О'Греди и Сандерса, но и

⁵⁴ «Times», May, 19th, 1917.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» № 89 от 11 июня 1917 года.

старого социалиста Вилла Торна. Все трое приехали в Петроград, не зная ни страны, ни языка, ни истории, ни революционного движения России. Они рассматривали революцию как преходящий и досадный эпизод, от которого можно отделаться заклинаниями. Они считали, что русские рабочие стоят на таком низком уровне, что будут осчастливлены покровительством лейбористов: отсюда их учительский тон и попытки «направлять» русскую революцию:

Надо всё же отметить, что делегаты стояли на уровне вождей лейбористской партии и были плотью от плоти и кровью от крови английской рабочей аристократии, многолетнее господство которой в тред-юнионах и в лейбористской партии так дорого обошлось и обходится рабочему классу Великобритании и её колоний.

Для характеристики делегации очень показательны соответствующие части из воспоминаний Вилла Торна. В главе «Я еду в Россию» Тортн утверждает, что когда он пришёл на заседание рабочих и солдатских депутатов, он был удивлён, что «почти все были интеллигентами». Затем «он посетил в помещении Думы собрание, известное под именем трёх тысяч» (что это? — А. Л.). Оказывается, это были выбранные от рабочих и солдат, т. е. пленарное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Далее Тортн рассказывает, как он встречался с генералами, как он в Москве встречался с каким-то адвокатом, другом Керенского, как у делегатов увели автомобиль, и тут же пишет, что немцы якобы «перебросили двадцать батальонов с Восточного фронта на Западный». Его и других делегатов очень огорчило, что конференции Независимой рабочей партии и Британской социалистической партии послали из Лидса в Петроград телеграмму, что он и его коллеги являются агентами правительства. Этот представитель английских рабочих видел в России генералов, адвокатов, министров, чиновников, но не видел ни рабочих, ни крестьян, ни солдат, во всяком случае, он не понял, чего хотят трудящиеся массы России. Он принял платформу меньшевиков и эсеров всерьёз, а восставшие с оружием в руках десятки миллионов людей не нашли места в книге этого «социалиста».

Далее в своих воспоминаниях Вилл Тортн сообщает, что по возвращении из поездки по различным городам делегаты были на заседании Совета рабочих депутатов, на котором обсуждался вопрос об участии в правительстве Керенского. «В эту же ночь, — продолжает он, — из Женевы прибыл величайший человек своего времени и настоящий вождь русского народа, не кто иной, как Ленин»⁵⁷. Признавая, что Ленин был «величайшим человеком своего времени», автор тем не менее не даёт никакой оценки сообщаемому им факту, а далее глубокомысленно пишет: «Если бы Керенский был более твёрдым человеком и имел бы более твёрдый характер, руководствовался бы желаниями масс и не находился бы под влиянием политиков и реакционеров, он мог бы спасти Россию от потрясений и страданий, через которые она вынуждена была пройти».

Вот и всё, до чего додумался этот горе-социалист спустя уже несколько лет после Октябрьской революции. Значит, всё зависело от доброй воли Керенского!..

Куда проницательнее оказался английский разведчик Локкарт, который в книге «Британский агент» пишет: «Важно помнить, что революция с самого начала была революцией народа. С первого момента ни Дума, ни интеллигенция не контролировали положения. Второе — революция была революцией за землю, хлеб и мир и прежде всего за мир. Был один путь спасти Россию от большевизма — надо было позволить ей заключить мир.

⁵⁷ Will Thorne «My Life Battles», p. 193—194.

Именно потому, что Керенский не заключил мира, он сошёл со сцены»⁵⁸. Проницательнее этих «делегатов» оказался и буржуазный историк Чарльз Сароли, который писал 20 мая 1917 года в предисловии к своей книге «Русская революция и война»: «Великобритания и новая Россия разными глазами смотрят на существующее положение и на будущее. Для нас продолжение войны является всем; для России война является только эпизодом в революции так же, как войны коалиции и империи были только эпизодами в истории французской революции. Для нас единственной целью является победа; для русских единственной целью является укрепление свободы. Для нас жизненным вопросом является то, как революция поможет войне; для русских жизненным вопросом является то, как война поможет революции»⁵⁹.

Хотя здесь не всё точно, но всё же делаются усилия понять, почему и зачем пошли в революционное движение десятки миллионов людей. То, что видели разведчик Локкарт и буржуазный историк Сароли, того не видели и не поняли представители лейбористской партии, много лет именовавшиеся социалистами.

Да это и не удивительно, так как эти агенты капитала в рабочем классе смотрели на революционные события в России глазами английских дипломатов и их русских коллег из кадетского и право-социалистического лагеря. Английские лейбористы всегда относились с презрением к теории вообще и к марксистской теории в особенности, поэтому они не понимали, что коренным вопросом всякой революции является вопрос о власти. Ленин, находясь ещё в Швейцарии, уже во втором «Письме издалека» подчеркнул наличие в России Временного правительства Гучковых и Милюковых и Временного правительства пролетариата и беднейших масс народа — Совета рабочих депутатов⁶⁰.

Для «рабочих делегатов» это было книгой за семью печатями. Эти рабочие бюрократы были ещё в Петрограде, когда Ленин через несколько дней после своего возвращения писал в «Правде», что «замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие»⁶¹.

Между тем эти господа витали в высоких правительственных и социал-патриотических сферах, произносили шумные речи против германского милитаризма, славили самую старую английскую демократию, хлопали по плечу самую молодую демократию, — не замечая, что уже идёт острая борьба не за парламентскую республику, а за республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов снизу доверху.

Не имея ни малейшего понятия о том, что такое революция, что такое Советы, не желая понять, чего хотят рабочие, и крестьяне, и солдаты России, насквозь пропитанные буржуазными предрассудками, самодовольные посланцы Ллойд Джорджа обиделись на русскую революцию за то, что она их не послушалась, а пошла своим собственным путём.

Поездка в Россию первой английской рабоче-правительственной делегации была лишь небольшим, но очень характерным тактическим ходом в арсенале либерально-буржуазной политики лейбористской партии Англии.

⁵⁸ R. H. Bruce Lockhart «British Agent», p. 168

⁵⁹ Sarolea Ch. «The Russian Revolution and the War», p. 20—21. Introduction.

⁶⁰ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 23.

⁶¹ Там же, стр. 94.